

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**Субклинический садизм: дефицит эмпатии, стратегии эмоциональной регуляции и особенности эмоциональной оценки визуальных стимулов****Храмцова Л.М.¹**¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Исследование посвящено поиску особенностей эмоциональной сферы у людей с выраженными показателями субклинического садизма. Целью исследования было изучение связей субклинического садизма с эмпатией и стратегиями эмоциональной регуляции, а также выявление особенностей эмоциональных оценок визуальных стимулов у людей с выраженными показателями субклинического садизма. Результаты показали отрицательную связь субклинического садизма с когнитивной и аффективной эмпатией, что указывает на общий дефицит способности понимать и сопереживать другим. Связи со стратегиями эмоциональной регуляции выявлены не были, что может указывать на менее выраженную потребность в активной регуляции эмоций у лиц с высоким уровнем садизма. Анализ модерации по полу продемонстрировал более выраженные отрицательные связи между садизмом и когнитивной эмпатией у мужчин. Было установлено, что люди с высоким уровнем субклинического садизма менее негативно оценивают отрицательные визуальные стимулы, чем участники с низким уровнем садизма. Различия в оценках интенсивности эмоциональных реакций не были выявлены. Полученные данные позволяют углубить понимание эмоциональной и когнитивной специфики субклинического садизма и подчеркивают важность учета пола и типа стимульного материала в дальнейших исследованиях.

Ключевые слова: субклинический садизм, когнитивная эмпатия, аффективная эмпатия, стратегии эмоциональной регуляции, оценка валентности и интенсивности стимулов, IAPS

Введение

Большинство людей избегает действий, способных причинить физический и/или психологический вред, однако часть людей, напротив, демонстрирует целенаправленное стремление к причинению страданий. Такое поведение можно обозначить как склонность к жестокости, которая может проявляться по-разному, включая в себя гедонистический компонент — получение удовольствия от страданий другого [Buckles et al., 2013]. В современном мире широко распространены примеры, свидетельствующие о склонности к жестокости в повседневной жизни, например, наслаждение насилием в фильмах, спорте и видеоиграх [Buckles et al., 2013; Greitemeyer, 2015; Greitemeyer, Sagioglou, 2017]. Вне зависимости от множества причин и мотивов, по которым люди занимаются просмотром/участием в этих видах деятельности, для некоторых эти общие проявления жестокости формируют субклиническую форму садизма. Субклинический садизм — это темная черта личности, проявляющаяся в склонности к жестокому поведению, мотивированному получением удовольствия от физических, психологических страданий других людей и/или доминированием над другими [Buckles et al., 2013; Foulkes, 2019; Ениколопов, Атаджыкова, 2021; Де-риш, 2021].

Несмотря на то, что понятие «садизм» исторически было связано с преступным поведением и психопатическим проявлением сексуальности (англ. *Sexual sadism disorder*, категория: парафильное расстройство (англ. *Paraphilic disorder*), код 302.84 в соответствии с Диагностическим и статистическим руководством по психическим расстройствам (5-е изд., DSM-5; American Psychiatric Association, 2013)), понятие «клинический садизм» не определено, поэтому употребление термина «субклинический садизм» остается дискуссионным. Тем не менее, в англоязычной литературе появление термина «*subclinical sadism*» связано с определением проявлений жестокого поведения в обществе в целом, особенно среди нормативной, неклинической выборки [O'Meara et al., 2011]. Авторами предлагается синонимичное использование терминов «*subclinical sadism*» и «*everyday sadism*». В России предложены несколько вариантов перевода: «повседневный садизм», «обыденный садизм» и «субклинический садизм». В данной статье употребление термина «субклинический садизм» является одним из вариантов перевода англоязычного термина.

Согласно современным исследованиям, субкли-

нический садизм варьируется от удовольствия видеть, как другие страдают от боли (т. е. викарный/косвенный садизм), до активного участия в садистском поведении (т. е. прямой садизм), когда человек несет ответственность за боль других людей [Paulhus, Jones, 2015; Buckles, 2018]. Кроме того, в ряде работ предполагается, что садизм может быть вербализованным (троллинг в социальных сетях) [Buckles, 2018].

Исследователи отмечают, что люди с выраженными чертами субклинического садизма обладают уникальными особенностями эмоциональной сферы, обуславливающими «аппетит» к жестокости и наслаждение страданиями [Buckles et al., 2013].

Сниженная эмпатия является ключевой эмоциональной характеристикой, связанной с субклиническим садизмом. Однако данные о ее связи с садизмом различаются в зависимости от инструментов оценки эмпатии. Эмпатия является сложным конструктом, который некоторые исследователи разделяют на два вида: аффективную эмпатию, как способность эмоционально сопереживать другим, разделять их эмоции, и когнитивную эмпатию, как способность понимать и интерпретировать эмоциональные состояния других людей [Pajevic et al., 2018; Белоусова, Гейвандова, 2021]. Обобщая результаты исследований, можно утверждать, что субклинический садизм продемонстрировал отрицательные корреляции с аффективной эмпатией и отсутствие связей или незначительные отрицательные корреляции с когнитивной эмпатией [O'Meara et al., 2011; Buckles et al., 2013; Sest, March, 2017; Pajevic et al., 2018; Velimirović, Bojanić, Dinić, 2018; March, 2019].

Исследование переживания удовольствия (положительного аффекта) от агрессии у лиц с субклиническим садизмом имеет противоречивые результаты. Серия исследований Д.С. Честера и коллег [Chester et al., 2019] выявила, что, «несмотря на субъективное удовольствие, испытываемое во время совершения агрессивного акта, садизм значимо коррелирует с негативным аффектом, измеренным уже после совершения акта агрессии, вне зависимости от изначальной склонности садистических личностей испытывать более выраженный негативный аффект» [Приводится по: Ениколопов, Атаджыкова, 2021, С. 44]. Садизм был важным предиктором повышенной агрессии как по отношению к невинным жертвам, так и к провокаторам агрессии, даже после учета общей агрессивности, импульсивности и других темных черт личности. С другой стороны, в ряде иссле-

дований «связь садизма и позитивного аффекта (в рамках переживания, позволяющего индивиду получить удовольствие от страданий других) подтверждается» [Там же, С. 44].

Важным аспектом в изучении особенностей эмоциональной сферы людей с выраженными показателями субклинического садизма является анализ оценок эмоциональных реакций на контент с насилием. Я. Меджедович [Međedović, 2017] выявил, что люди с высокими показателями субклинического садизма при просмотре агрессивных визуальных стимулов, особенно со сценами насилия, испытывали положительные эмоции. Однако выраженность положительных эмоциональных реакций снижалась при просмотре визуальных стимулов с ненасильственными, «мирными» сценами: объятия, радостные встречи, счастливые выражения лиц людей.

На основе этих данных Л. Томас и В. Иган [Thomas, Egan, 2022] предложили интерпретировать данные результаты в рамках нейropsychологической теории Дж. Грея. Согласно этой теории, индивидуальные различия в поведении обусловлены функционированием трех нейropsychологических систем: системы торможения поведения (СТП), системы активации поведения (САП) и системы «борьбы и бегства», которая реагирует на безусловные агрессивные раздражители. СТП активируется в ответ на наказание или отсутствие ожидаемой награды, вызывая избегающее поведение и чувство тревоги. САП, напротив, реагирует на получение награды или прекращение наказания, способствуя поведению приближения и переживанию удовольствия [Gray, 1990].

Л. Томас и В. Иган [Thomas, Egan, 2022] предположили, что у лиц с выраженными садистическими чертами насильственные стимулы активируют систему САП и подавляют активность СТП, что объясняет положительные эмоциональные реакции на насилие. С учетом функций этих систем авторы предполагают, что люди с выраженными садистическими чертами склонны активно искать ситуации, где возможно причинение вреда, и избегать доброжелательного, дружеского взаимодействия. Кроме того, садистические черты личности связаны со снижением уровня моральной ответственности в этических оценках, что может быть обусловлено трудностями в понимании мотивов и мыслей других людей [Trémolière, Djeriouat, 2016].

При исследовании стратегий регуляции эмоций не было обнаружено никаких связей садизма с

дезадаптивными стратегиями [Zeigler-Hill, Vonk, 2015]. Это может говорить о том, что люди с выраженными показателями субклинического садизма не обязательно испытывают сложности в регуляции своих эмоций, что не согласуется с предположением о садистском поведении как результате аффективных нарушений в системах активации и торможения поведения.

Исследование Э. Бакелс и коллег [Buckles et al., 2023] было направлено на выявление физиологических особенностей реакции испуга у людей с выраженными чертами Темной тетрады, в том числе и субклинического садизма. Была выявлена сниженная амплитуда реакции на испуг у людей с выраженными показателями субклинического садизма, что свидетельствует о физиологических признаках сниженной эмоциональной реактивности при повышении выраженности садистических черт.

Таким образом, результаты исследований аффективной сферы субклинического садизма носят противоречивый характер. С одной стороны, отмечаются сниженная эмоциональная реактивность, отрицательные связи с аффективной эмпатией и положительные эмоции в ответ на насильственные стимулы, с другой — связи с когнитивной эмпатией либо носят слабо выраженный отрицательный характер, либо отсутствуют, отсутствуют значимые связи с дезадаптивными стратегиями регуляции эмоций, что не подтверждает предположение об аффективных нарушениях при выраженных показателях субклинического садизма.

Эти несоответствия указывают на необходимость дальнейшего изучения компонентов аффективной сферы при выраженных садистических чертах. В частности, остается неясным, как именно связаны удовольствие от агрессии и общая эмоциональная реактивность, а также какую роль в этом играют когнитивные процессы.

Проблемой исследования выступает противоречие в результатах исследований, где одни данные указывают на сниженную эмоциональную реактивность, отрицательные корреляции с аффективной эмпатией и положительные эмоциональные реакции на насильственные стимулы у лиц с высокими показателями субклинического садизма [Buckles et al., 2013; Međedović, 2017], а другие — на слабые или отсутствующие связи с когнитивной эмпатией и дезадаптивными стратегиями регуляции эмоций [Zeigler-Hill, Vonk, 2015], что противоречит гипотезе о наличии аффективных нарушений у людей с выраженными показателя-

ми субклинического садизма. Кроме того, результаты исследований переживания удовольствия (позитивного аффекта) от агрессии остаются неоднозначными: садизм коррелирует как с позитивным аффектом во время совершения агрессивных действий, так и с негативным аффектом после их завершения [Chester et al., 2019]. Таким образом, остается противоречие в понимании мотивационной основы садистского поведения, что делает особенно важным уточнение роли эмоциональных механизмов в его формировании. В связи с этим **целью настоящего исследования** стало выявление взаимосвязи эмпатии, стратегий эмоциональной регуляции с субклиническим садизмом; выявление различий в оценках валентности и интенсивности визуальных стимулов между людьми с высокими и низкими показателями субклинического садизма.

С учетом ранее полученных результатов о связи субклинического садизма с эмпатией, стратегиями регуляции эмоций и особенностями аффективных реакций на визуальные стимулы, были сформулированы 3 гипотезы.

Гипотеза 1. Субклинический садизм будет отрицательно связан с аффективной и когнитивной эмпатией. Данная гипотеза проверяет воспроизводимость результатов зарубежных исследований [Pajević et al., 2018; Velimirović, Bojanić, Dinić, 2018; March, 2019] на отечественной выборке, а также основывается на предположении о том, что при выраженном субклиническом садизме снижается способность эмоционально сопереживать другим и представлять себя на их месте из-за отказа от ответственности за причиненный вред.

Гипотеза 2. Существует отрицательная взаимосвязь между субклиническим садизмом и такими стратегиями эмоциональной регуляции, как когнитивная переоценка и подавление экспрессии. Хотя не было выявлено значимых связей с дезадаптивными стратегиями эмоциональной регуляции [Zeigler-Hill, Vonk, 2015], мы предполагаем, что ввиду специфики аффективного реагирования, характерного для лиц с выраженными садистическими чертами, может наблюдаться снижение механизмов, связанных с подавлением эмоциональной экспрессии или когнитивной переоценкой происходящего в контексте жизненных ситуаций.

Гипотеза 3. Люди с высокими показателями субклинического садизма будут оценивать интенсивность отрицательных и положительных визуальных стимулов значимо ниже, чем люди с низкими показателями субклинического садизма, а оцен-

ки валентности отрицательных и положительных визуальных стимулов будут неконгруэнтны их содержанию (т. е. отрицательные визуальные стимулы будут отмечаться как позитивные, а положительные — как негативные) только у людей с высокими показателями субклинического садизма. Это предположение основано на данных о положительном аффекте при виде чужих страданий и сниженной эмоциональной реактивности у людей с выраженными садистическими чертами [Thomas, Egan, 2022; Buckles et al., 2023].

Методы исследования

Исследование включало в себя два этапа: на первом этапе сбор данных проводился с помощью психодиагностических методик в онлайн-формате, на втором этапе сбор экспериментальных оценок визуальных стимулов проводился в очном формате [Храмцова, 2024].

Процедура исследования на первом этапе

На первом этапе участникам предлагалось заполнить онлайн-форму, которая включала в себя биографические вопросы (пол, возраст, город) и три опросника:

- «Короткий опросник Темной тетрады» (Short Dark Tetrad, SD4) [Paulhus et al., 2020] в адаптации Д.С. Корниенко, В.К. Вязовкиной и И.С. Горностаева [2022].
- «Опросник когнитивной и аффективной эмпатии», ЭКА (Questionnaire of Cognitive and Affective Empathy, QCAE) [Reniers et al., 2011] в адаптации А.И. Белоусовой и М.Я. Гейвандовой [2021].
- «Опросник эмоциональной регуляции» (Emotion Regulation Questionnaire, ERQ) Дж. Гросса [Gross, John, 2003] в адаптации А.А. Панкратовой и Д.С. Корниенко [2017].

Участие в исследовании было добровольным, респонденты были проинформированы о возможности покинуть исследование на любом из этапов прохождения. Сбор данных проводился с использованием платформы Google Forms. Выборка была разделена по процентиям на три группы: высокие (от 19 баллов), средние (от 12 до 18 баллов) и низкие (от 7 до 11 баллов) показатели по шкале «садизм» «Короткого опросника Темной тетрады» [Корниенко, Вязовкина, Горностаев, 2022]. Это было необходимо для реализации второго этапа исследования [Храмцова, 2024].

Процедура исследования на втором этапе

К участию во втором этапе исследования приглашались респонденты с высокими и низкими показателями садизма, определенными с помощью «Короткого опросника Темной тетрады» [Корниенко, Вязовкина, Горностаев, 2022]. Участникам предлагалось оценить валентность («Оцените по шкале от -3 до $+3$ валентность (знак) испытываемой эмоции, где -3 — очень негативная, 0 — нейтральная, $+3$ — очень позитивная») и интенсивность («Оцените интенсивность (силу) эмоции, которую вы испытали при просмотре на изображение по шкале от 1 до 7 , где 1 — очень слабая или совсем нет, 7 — очень сильная») эмоциональных реакций при восприятии групп визуальных стимулов. Визуальные стимулы были взяты из Международной базы данных изображений International Affective Picture System (IAPS) [Lang, 2008]. В ходе исследования были отобраны 30 изображений по трем группам:

- группа отрицательных визуальных стимулов: 10 изображений под номерами 1019, 1321, 2120, 2457, 2688, 6530, 6821, 8060, 9340, 9925;
- группа положительных визуальных стимулов: 10 изображений под номерами 1441, 1463, 1630, 2019, 2045, 2550, 4626, 5202, 8461, 8540;
- группа нейтральных визуальных стимулов: 10 изображений под номерами 2036, 2880, 5301, 5390, 5780, 5870, 5991, 7026, 7057, 7211.

Экспериментальная процедура оценки визуальных стимулов состояла из следующих этапов:

1. Перед началом прохождения эксперимента участнику проговаривалась инструкция и сообщалось о возможности покинуть исследование на любом из этапов прохождения. Далее на компьютере запускался эксперимент, оформленный на базе программного обеспечения PsychoPy 2023.2.3 [Peirce et al., 2019]. На экране появлялась инструкция с временным ограничением в 60 секунд (60 000 мс) с возможностью перейти к эксперименту до автоматического перехода, нажав «пробел» на клавиатуре. Для контроля взгляда человека в центр экрана использовалось изображение с фиксационным крестом, которое было показано 1 секунду (1000 мс) после инструкции и далее после каждого последнего вопроса на оценку интенсивности эмоциональной реакции.

2. Каждый стимул предъявлялся на 6 секунд (6000 мс) случайным образом. После каждого стимула были представлены два вопроса по 6 секунд каж-

дый (6000 мс): «Оцените по шкале от -3 до $+3$ валентность (знак) испытываемой эмоции, где -3 — очень негативная, 0 — нейтральная, $+3$ — очень позитивная. Оцените интенсивность (силу) эмоции, которую вы испытали при просмотре на изображение по шкале от 1 до 7 , где 1 — очень слабая или совсем нет, 7 — очень сильная». Временные ограничения ответа на вопрос обусловлены временем восприятия эмоциональной информации (0-1 секунды), включающим определение знака (положительный, отрицательный, нейтральный) стимула и оценку его значимости для индивида (значимый, незначимый, опасный, безопасный).

3. После последнего визуального стимула появлялся текст с выражением признательности и благодарности за участие в эксперименте [Храмцова, 2024].

Структура пробы экспериментальной оценки одного изображения представлена на рисунке 1.

Для оценки результатов исследования нами был проведен корреляционный анализ Спирмена, анализ модерации, сравнительный анализ с использованием U-критерия Манна-Уитни и коррекция Холма-Бонферрони. Статистические анализы выполнялись с помощью программного пакета jamovi 2.3.28, коррекция Холма-Бонферрони осуществлялась при помощи калькулятора в Excel-файле [Gaetano, 2013].

Выборка

В первом этапе исследования приняли участие 126 человек — студенты и сотрудники университетов в возрасте от 18 до 59 лет ($M = 21,4$; $SD = 5,4$), из которых 91 человек женского пола, 35 — мужского пола. Во втором этапе исследования участие приняли 27 человек — студенты и сотрудники университетов в возрасте от 18 до 25 лет ($M = 21,7$; $SD = 2,1$), из которых 14 человек с низким показателем садизма и 13 — с высоким, 23 женщины и 4 мужчины.

Результаты

На первом этапе исследования для подтверждения гипотез о существовании отрицательных связей субклинического садизма со стратегиями эмоциональной регуляции, когнитивной и аффективной эмпатией был проведен корреляционный анализ Спирмена на выборке из 126 человек. По результатам анализа были выявлены значимые отрицательные связи субклинического садизма с аффективной ($r = -0,186$, $p = 0,037$) и когнитивной ($r = -0,179$, $p = 0,045$) эмпатией, при этом значимые

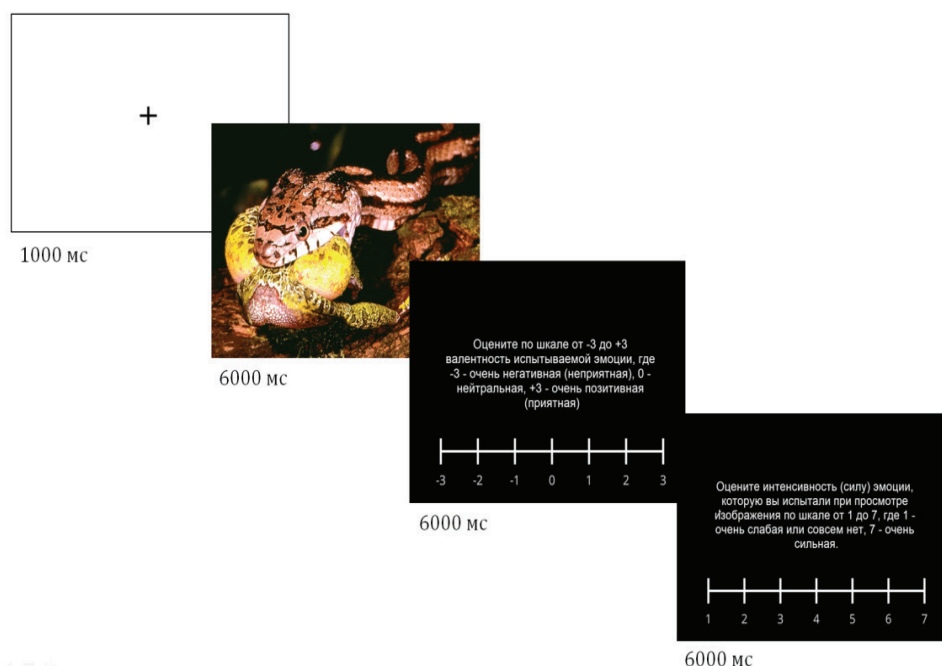

Рис 1. Структура пробы при оценке визуального стимула

связи со стратегиями эмоциональной регуляции отсутствовали. Однако ни одна из корреляций не осталась статистически значимой после коррекции Холма-Бонферрони: наименьшее p -значение ($p = 0,037$) превышало скорректированный порог для первого шага ($\alpha = 0,0125$).

В связи с тем, что в литературе обсуждается, что выраженность показателей садизма и эмпатии связаны с полом [Greenberg et al., 2023; Blötner, Spormann, 2025], нами дополнительно был проведен анализ модерации по полу (0 — женщины, 1 — мужчины) на выборке из первого этапа исследования. Результаты показали, что пол статистически значимо модерирует связь между субклиническим садизмом и когнитивной эмпатией ($\beta = -0,949$, $p < 0,01$), а также между садизмом и стратегией когнитивной переоценки ($\beta = -0,647$, $p < 0,01$). Отрицательные коэффициенты модерации свидетельствуют о том, что отрицательные корре-

ляции между садизмом и данными переменными являются более выраженными у мужчин по сравнению с женщинами.

На втором этапе исследования на выборке из 27 человек был проведен сравнительный анализ с использованием U -критерия Манна-Уитни, по результатам которого были выявлены различия в оценках валентности группы отрицательных стимулов ($U = 44$, $p < 0,05$). Значимых различий в оценках валентности положительных стимулов, а также в оценках интенсивности как положительных, так и отрицательных стимулов не было выявлено. Для контроля ошибки I рода была применена поправка Холма-Бонферрони, по результатам которой различия в оценках валентности отрицательной группы стимулов оказались незначимыми.

Также нами был проведен сравнительный анализ с использованием U -критерия Манна-Уитни для оценок валентности и интенсивности каждого

Таблица 1

Связь субклинического садизма, определенного по «Короткому опроснику Темной тетрады», с показателями эмпатии и стратегиями эмоциональной регуляции ($N = 126$)

Психологические характеристики эмоциональной сферы	Коэффициент корреляции Спирмена
Когнитивная эмпатия	-0,179*
Аффективная эмпатия	-0,186*
Когнитивная переоценка	-0,054
Подавление экспрессии	0,045

Примечания. * $p < 0,05$.

Таблица 2

Сравнительный анализ оценок групп визуальных стимулов у людей с высоким и низким показателем субклинического садизма, определенного по «Короткому опроснику Темной тетрады» ($N = 27$)

Виды оценок визуальных стимулов	Средние оценки по группам		U-кр. Ман-на-Уитни	p
	Низкий показатель садизма ($n = 14$)	Высокий показатель садизма ($n = 13$)		
Оценка валентности группы отрицательных стимулов	-1,590	-1,133	44	0,022
Оценка интенсивности группы отрицательных стимулов	3,561	3,386	80	0,616
Оценка валентности группы положительных стимулов	1,371	0,992	54	0,076
Оценка интенсивности группы положительных стимулов	3,413	3,347	86	0,830
Оценка валентности группы нейтральных стимулов	0,576	0,699	84	0,756
Оценка интенсивности группы нейтральных стимулов	2,578	2,741	86	0,830

Рис. 2. Стимул 6821**Рис. 3.** Стимул 8461**Рис. 4.** Стимул 4626

стимула внутри положительной и отрицательной групп визуальных стимулов. Так, были выявлены значимые различия по стимулам: 6821 (рисунок 2) по оценке валентности ($U = 46,5$, $p < 0,05$) и по оценке интенсивности ($U = 34,0$, $p < 0,01$) из группы отрицательных стимулов, 8461 (рисунок 3) по оценке валентности ($U = 51,0$, $p < 0,05$) и 4626 (рисунок 4) по оценке валентности ($U = 49,0$, $p < 0,05$) из группы положительных стимулов.

Обсуждение результатов

На первом этапе исследования проверялись гипотезы: 1) о существовании отрицательных связей между субклиническим садизмом и когнитивной и аффективной эмпатией и 2) о существовании отрицательной связи между стратегиями эмоциональной регуляции и субклиническим садизмом.

По результатам корреляционного анализа Спирмена были выявлены слабые отрицательные корреляции субклинического садизма с когнитивной и аффективной эмпатией, что соотносится с результатами зарубежных исследований [Pajević et al., 2018; Velimirović, Bojanić, Dinić, 2018; March, 2019]. Однако с учетом применения поправки Холма-Бонферрони ни одна из корреляций не осталась статистически значимой, вследствие чего гипотеза не получила статистического подтверждения после коррекции. Тем не менее, выявленные отрицательные корреляции, пусть и слабые, согласуются с предыдущими исследованиями. В этом контексте их можно рассматривать как статистическую тенденцию, указывающую на возможное снижение как аффективного сопереживания, так и когнитивного понимания эмоций других у лиц с высокими показателями субклинического садизма. Эти тенденции могут отражать дефицит эмпатии как потенциальный механизм, способствующий склонности к жестокому или агрессивному поведению, поскольку ограничивают формирование адекватного эмоционального отклика на страдания окружающих и снижают вероятность возникновения чувства сочувствия и ответственности за причиненный вред.

Гипотеза о существовании отрицательной связи между стратегиями эмоциональной регуляции и субклиническим садизмом не подтвердилась. Эти результаты могут указывать на то, что садистское поведение не связано с дезадаптивной или недостаточной регуляцией эмоций, а скорее является следствием мотивационной установки на получение удовольствия от чужих страданий и причинения вреда, при которой нет необходимости в

активном контроле над эмоциями или переоценке ситуаций для изменения эмоционального воздействия. Таким образом, можно предположить, что лица с выраженными садистическими чертами не испытывают сложностей с регуляцией собственных эмоций, а их эмоциональная реактивность может быть опосредована специфическими мотивационными и когнитивными установками.

К. Блётнер и С.С. Спорманн [Blötner, Spormann, 2025], основываясь на результатах предыдущих исследований, утверждают, что мужчины в среднем имеют более высокие показатели субклинического садизма, чем женщины, в связи с чем нами был проведен анализ модерации для оценки вклада пола в связи между субклиническим садизмом, эмпатией и стратегиями эмоциональной регуляции. Полученные данные указывают на возможную роль пола в модерации связи между субклиническим садизмом и когнитивной эмпатией, а также стратегией когнитивной переоценки. Анализ модерации показал, что отрицательные корреляции между садизмом и этими переменными были более выражены у мужчин по сравнению с женщинами. Наблюдаемая тенденция согласуется с данными литературы о более высоких показателях субклинического садизма у мужчин [Blötner, Spormann, 2025] и может указывать на половые различия в эмоциональной регуляции и эмпатических способностях в контексте темных черт личности. Для проверки этих различий необходимы дальнейшие исследования со сбалансированной по полу выборкой.

На втором этапе проверялась гипотеза, связанная с различиями оценок интенсивности и валентности визуальных стимулов людьми с высокими и низкими показателями субклинического садизма. Согласно результатам сравнительного анализа, лица с высоким уровнем субклинического садизма демонстрируют более низкие показатели отрицательной оценки негативных стимулов по сравнению с лицами с низким уровнем садизма. При этом различия в оценках валентности положительных стимулов и оценках интенсивности отрицательных и положительных стимулов отсутствовали. Люди с высокими показателями садизма в среднем отмечали отрицательные визуальные стимулы как негативные, положительные — как позитивные.

Полученные результаты могут быть обусловлены как семантической валентностью эмоциональных реакций [Hamzani et al., 2020], так и характером выбранных визуальных стимулов.

Рассматривая первое предположение, стоит указать, что семантическая валентность — это знание того, что представленный стимул является положительным, отрицательным или нейтральным, а аффективная валентность, напротив, отражает непосредственное переживание эмоции, вызванной стимулом. Таким образом, данные самоотчетов об испытываемых эмоциях могут либо отражать непосредственное субъективное переживание аффективной реакции, либо быть основаны на семантических представлениях, не связанных с реальными переживаниями [Hamzani et al., 2020]. Несмотря на то, что участникам было дано четкое указание оценивать собственные эмоциональные переживания от предъявляемых визуальных стимулов, они могли оценивать не свои чувства, а свое знание того, какой это стимул: негативные сцены воспринимались как отрицательные, а позитивные — как положительные.

Для проверки второго предположения были рассмотрены различия в оценках валентности и интенсивности для каждого стимула в отрицательной и положительной группах. Так, стимул под номером 6821 из отрицательной группы единственно значимо различался по оценкам валентности и интенсивности — люди с высоким уровнем субклинического садизма оценивали свои эмоции по данному стимулу как менее негативные и менее интенсивные. Стимулы под номерами 8461 и 4626 из положительной группы значимо различались по оценке валентности — люди с высоким уровнем субклинического садизма оценивали свои эмоции как менее позитивные. В остальном различий в оценках валентности и интенсивности стимулов обнаружено не было. Вероятно, субклинический садизм не связан с глобальными дефицитами в восприятии и/или оценке эмоциональных сцен. Люди с выраженными показателями субклинического садизма сохраняют способность к типичной категоризации валентности (отрицательные стимулы — негативны, положительные — позитивны) и оценке интенсивности стимулов в экспериментальных условиях. Однако различия в оценках некоторых стимулов могут избирательно проявляться в связи со специфическим содержанием стимула и/или субъективной значимостью, о чем частично указывалось в исследовании Я. Меджедовича [2017], согласно которому субклинический садизм связан с отсутствием конгруэнтности эмоциональных реакций визуальным стимулам.

Ни по средним оценкам во всех группах, ни по каждому стимулу внутри групп, кроме одного стимула внутри отрицательной группы, не были найдены

значимые различия в оценках интенсивности. Возможно, выбранные визуальные стимулы и пол участников (из 27 человек — 23 женщины) внесли свой вклад в результаты, т. к. обычно женщины в сравнении с мужчинами более негативно оценивают отрицательные стимулы [Poláčková Šolcová, Lačev, 2017; Wertag et al., 2024]. В схожем исследовании, но на большей выборке, было выявлено, что выраженные показатели субклинического садизма были связаны с более положительными оценками отрицательных стимулов, при этом значимые связи оценки возбуждения визуальных стимулов с субклиническим садизмом отсутствовали [Wertag et al., 2024]. Полученные данные позволяют предположить, что гипотеза о сниженной эмоциональной реактивности у лиц с выраженными садистическими чертами может быть неприменима к оценке интенсивности эмоционального возбуждения от статичных изображений, либо эмоциональная реактивность может более отчетливо проявляться при восприятии динамического сюжета (видеостимулы) и/или при эмоциональном переживании экспериментальной ситуации «изнутри».

Выводы

Полученные результаты вносят вклад в понимание особенностей эмоциональной сферы у людей с выраженными показателями субклинического садизма.

Субклинический садизм характеризуется дефицитом как когнитивной, так и аффективной эмпатии на уровне тенденции, что подтверждает его место среди темных черт личности и указывает на сниженную способность понимания и сопереживания эмоциональных состояний других людей. При этом субклинический садизм не был связан со стратегиями эмоциональной регуляции. Это указывает на то, что садизм не обязательно связан с нарушением регуляции эмоций. Такие результаты могут отражать осознанную мотивацию на получение удовольствия от страданий других. Было выявлено, что пол является значимым модератором связи между субклиническим садизмом и когнитивной эмпатией, а также когнитивной переоценкой. У мужчин наблюдаются более выраженные отрицательные связи между садизмом и этими характеристиками, в то время как у женщин они отсутствуют или статистически незначимы. Это подчеркивает необходимость учета пола при интерпретации связи субклинического садизма с компонентами эмоциональной сферы. Люди с вы-

соким уровнем субклинического садизма демонстрировали значимо меньшую негативную оценку отрицательных визуальных стимулов по сравнению с участниками с низким уровнем субклинического садизма, при этом различия в оценке интенсивности визуальных стимулов отсутствовали. Полученные результаты могут объясняться как семантической валентностью, так и выбранными визуальными стимулами и количеством женщин в выборке.

В будущих исследованиях целесообразно использовать физиологические методы регистрации эмоционального возбуждения (например, кожная гальваническая реакция, электромиография), которые позволят получить более объективные данные об эмоциональной реактивности, в сочетании с самоотчетными методами.

В совокупности полученные результаты указывают на специфические особенности эмоциональной сферы людей с выраженным субклиническим садизмом, требующие дальнейшего изучения с учетом таких факторов, как пол и характер экспериментальных стимулов.

Финансирование

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Литература

Белоусова А.И., Гейвандова М.Я. Когнитивная и аффективная эмпатия: апробация опросника на российской выборке. Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Психологические науки, 2021, No. 2, 6–20. DOI: 10.18384/2310-7235-2021-2-6-20

Дериш Ф.В. Темная тетрада личности: обзор современных исследований. Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология, 2021, No. 2, 222–235. DOI: 10.17072/2078-7898/2021-2-222-235

Ениколопов С.Н., Атаджикова Ю.А. Феномен обычного садизма. Вестник Московского университета. Сер. 14...: Психология, 2021, No. 1, 38–56. DOI: 10.11621/vsp.2021.01.02

Корниенко Д.С., Вязовкина В.К., Горностаев И.С. Адаптация и психометрическая проверка методики «Короткий опросник темной тетрады». Психологический журнал, 2022, No. 43(5), 87–98. DOI: 10.31857/S020595920022787-1

Панкратова А.А., Корниенко Д.С. Русскоязычная адаптация опросника ERQ (Emotion Regulation Questionnaire) Дж. Гросса. Вопросы психологии, 2017,

No. 5, 139–149.

Храмцова Л.М. Субклинический садизм: определение психофизиологических особенностей эмоциональной реакции в ответ на эмоциогенные визуальные стимулы: дис. ... магистра психологии. — Томск: гос. университет, Томск, 2024.

American Psychiatric Association. Diagnostic and statistical manual of mental disorders. 5th ed. — Washington, DC: American Psychiatric Publishing, 2013.

Blötner C., Spormann S.S. Gendered Sadism — Examining Measurement Invariance of Everyday Sadism Scales Across Genders. European Journal of Psychological Assessment, 2025. (in press) DOI: 10.1027/1015-5759/a000900

Buckels E.E. The psychology of everyday sadism. Doctoral dissertation. — University of British Columbia, Vancouver, Canada, 2018. — URL: <https://open.library.ubc.ca/collections/ubctheses/24/items/1.0369056> (дата обращения: 15.04.2025) DOI: 10.14288/1.0369056

Buckels E.E., Jones D.N., Paulhus D.L. Behavioral confirmation of everyday sadism. Psychological Science, 2013, No. 24(11), 2201–2209. DOI: 10.1177/0956797613490749

Buckels E.E., Trapnell P.D., Paulhus D.L. Blunted startle reactivity in everyday sadism and psychopathy. Scientific Reports, 2023, No. 13(1), 14216. DOI: 10.1038/s41598-023-41043-2

Chester D.S., DeWall C.N., Enjaian B. Sadism and aggressive behavior: Inflicting pain to feel pleasure. Personality and Social Psychology Bulletin, 2019, No. 45(8), 1252–1268. DOI: 10.1177/0146167218816327

Foulkes L. Sadism: Review of an elusive construct. Personality and Individual Differences, 2019, No. 151, 109500. DOI: 10.1016/j.paid.2019.07.010

Gaetano J. Holm-Bonferroni Sequential Correction: An EXCEL Calculator – Ver. 1.2. — 2013. — [Электронный ресурс]. — URL: https://www.researchgate.net/publication/242331583_Holm-Bonferroni_Sequential_Correction_An_EXCEL_Calculator_-_Ver_1.2 (дата обращения: 18.07.2025). DOI: 10.13140/RG.2.1.3920.0481

Gray J.A. Brain systems that mediate both emotion and cognition. Cognition and Emotion, 1990, No. 4(3), 269–288. DOI: 10.1080/02699939008410799

Greenberg D.M., Warrier V., Abu-Akel A., Allison C., Gajos K.Z., Reinecke K., Rentfrow P.J., Radecki M.A., Baron-Cohen S. Sex and age differences in “theory of mind” across 57 countries using the English version of the “Reading the Mind in the Eyes” Test. Proceedings of the National Academy of Sciences, 2023, No. 120(1), e2022385119. DOI: 10.1073/pnas.2022385119

Greitemeyer T. Everyday sadism predicts violent video game preferences. Personality and Individual Differences, 2015, No. 75, 19–23. DOI: 10.1016/j.paid.2014.10.049

Greitemeyer T., Sagioglou C. The longitudinal relationship between everyday sadism and the amount

of violent video game play. *Personality and Individual Differences*, 2017, No. 104, 238–242. DOI: 10.1016/j.paid.2016.08.021

Gross J.J., John O.P. Individual differences in two emotion regulation processes: implications for affect, relationships, and well-being. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2003, No. 85(2), 348–362. DOI: 10.1037/0022-3514.85.2.348

Hamzani O., Mazar T., Itkes O., Petranker R., Kron A. Semantic and affective representations of valence: Prediction of autonomic and facial responses from feelings-focused and knowledge-focused self-reports. *Emotion* (Washington, D.C.), 2020, No. 20(3), 486–500. DOI: 10.1037/emo0000567

Lang P.J., Bradley M.M., Cuthbert B.N. *International Affective Picture System (IAPS): Instruction manual and affective ratings*. — Gainesville, FL: The Center for Research in Psychophysiology, University of Florida, 2008.

March E. Psychopathy, sadism, empathy, and the motivation to cause harm: New evidence confirms malevolent nature of the Internet Troll. *Personality and Individual Differences*, 2019, No. 141, 133–137. DOI: 10.1016/j.paid.2019.01.001

Mededović J. Aberrations in emotional processing of violence-dependent stimuli are the core features of sadism. *Motivation and Emotion*, 2017, No. 41(2), 273–283. DOI: 10.1007/s11031-016-9596-0

O'Meara A., Davies J., Hammond S. The psychometric properties and utility of the Short Sadistic Impulse Scale (SSIS). *Psychological Assessment*, 2011, No. 23(2), 430–440. DOI: 10.1037/a0022400

Pajević M., Vukosavljević-Gvozden T., Stevanović N., Neumann C.S. The relationship between the Dark Tetrad and a two-dimensional view of empathy. *Personality and Individual Differences*, 2018, No. 123, 125–130. DOI: 10.1016/j.paid.2017.11.009

Paulhus D.L., Buckels E.E., Trapnell P.D., Jones D.N. Screening for dark personalities. *European Journal of Psychological Assessment*, 2020, No. 37(3), 208–222. DOI: 10.1027/1015-5759/a000602

Paulhus D.L., Jones D.N. Measures of dark personalities. // In: G.J. Boyle, D.H. Saklofske, G. Matthews (Eds.). *Measures of Personality and Social Psychological Constructs*. — San Diego, CA: Academic Press, 2015. — pp. 562–594.

Peirce J.W., Gray J.R., Simpson S., MacAskill M.R., Höchenberger R., Sogo H., Kastman E., Lindeløv J. PsychoPy2: Experiments in behavior made easy. *Behavior research methods*, 2019, No. 51(1), 195–203. DOI: 10.3758/s13428-018-01193-y

Poláčková Šolcová I., Lačev A. Differences in male and female subjective experience and physiological reactions to emotional stimuli. *International Journal of Psychophysiology*, 2017, No. 117, 75–82. DOI: 10.1016/j.ijpsycho.2017.04.009

Reniers R.L.E.P., Corcoran R., Drake R., Shryane N.M.,

Völlm B.A. The QCAE: A Questionnaire of Cognitive and Affective Empathy. *Journal of Personality Assessment*, 2011, No. 93(1), 84–95. DOI: 10.1080/00223891.2010.528484

Sest N., March E. Constructing the cyber-troll: Psychopathy, sadism, and empathy. *Personality and Individual Differences*, 2017, No. 119, 69–72. DOI: 10.1016/j.paid.2017.06.038

Thomas L., Egan V. Subclinical sadism: Examining temperamental predispositions and emotional processing. *Personality and Individual Differences*, 2022, No. 196(5), 111756. DOI: 10.1016/j.paid.2022.111756

Trémolière B., Djeriouat, H. The sadistic trait predicts minimization of intention and causal responsibility in moral judgment. *Cognition*, 2016, No. 146, 158–171. DOI: 10.1016/j.cognition.2015.09.014

Velimirović M., Bojanić M., Dinić B. Cognitive empathy distinguishes sadism from psychopathy: Effects on antisocial behaviour. // In: Danilović K., Stepanović Ilić I., Marković S. (Eds.). *Proceedings of the XXIV scientific conference Empirical studies in psychology. Proceedings of the Conference*, Belgrade, 2018. — Belgrade: Institute of Psychology, Faculty of Philosophy, University of Belgrade and Laboratory for Experimental Psychology, Faculty of Philosophy, University of Belgrade, 2018. — pp. 38–42.

Wertag A., Ribar M., Sučić I. A look through dark-colored glasses: The Dark Tetrad and affective processing. *Scandinavian Journal of Psychology*, 2024, No. 65(1), 26–31. DOI: 10.1111/sjop.12951

Zeigler-Hill V., Vonk J. Dark Personality Features and Emotion Dysregulation. *Journal of Social and Clinical Psychology*, 2015, No. 34(8), 692–704. DOI: 10.1521/jscp.2015.34.8.692

Поступила в редакцию: 12 июня 2025 г.

Дата публикации: 28 ноября 2025 г.

Сведения об авторе

Храмцова Людмила Михайловна. Магистр психологии, аспирант Школы психологии НИУ ВШЭ, стажер-исследователь Научно-учебной лаборатории когнитивных исследований, НИУ ВШЭ, ул. Армянский пер., д. 4, корп. 2, 101000, Москва, Россия.

E-mail: Khramtsova.L.M@hse.ru

Ссылка для цитирования

Храмцова Л.М. Субклинический садизм: дефицит эмпатии, стратегии эмоциональной регуляции и особенности эмоциональной оценки визуальных стимулов. *Психологиче-*

ские исследования. 2025. Т. 18, № 103. С. 7.

URL: <https://psystudy.ru>

Адрес статьи:

<https://doi.org/10.54359/ps.v18i103.1982>

Subclinical sadism: empathy deficits, emotion regulation strategies, and emotional evaluation of visual stimuli

Khramtsova L.M.¹

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

This study examines the affective characteristics of individuals with elevated levels of subclinical sadism. The primary aim was to investigate the associations of subclinical sadism with empathy and emotion regulation strategies, as well as to identify specific patterns in the emotional evaluation of visual stimuli among individuals with pronounced sadistic traits. The results revealed significant negative correlations between subclinical sadism and both cognitive and affective empathy, indicating a general deficit in the ability to understand and share the emotions of others. No significant associations were found between subclinical sadism and emotion regulation strategies, which may suggest a lower reliance on active emotion regulation among individuals with high levels of sadism. A gender moderation analysis demonstrated stronger negative associations between sadism and cognitive empathy in men. Moreover, individuals with higher levels of subclinical sadism evaluated aversive visual stimuli as less negative compared to participants with lower sadism scores. No differences were observed in the reported intensity of emotional reactions. These findings provide new insights into the emotional and cognitive characteristics of subclinical sadism and underscore the importance of considering gender and stimulus type in future research.

Keywords: subclinical sadism, cognitive empathy, affective empathy, emotion regulation strategies, valence and intensity evaluation of stimuli, IAPS

Funding

Support from the Basic Research Program of HSE University is gratefully acknowledged.

References

American Psychiatric Association. Diagnostic and statistical manual of mental disorders. 5th ed. — Washington, DC: American Psychiatric Publishing, 2013.

Belousova A.I., Geyvandova M.Ya. Kognitivnaja i affektivnaja jempatija: aprobacija oprosnika na rossijskoj vyborke. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser.: Psihologicheskie nauki, 2021, No. (2), 6–20. DOI: 10.18384/2310-7235-2021-2-6-20 (In Russian)

Blötnner C., Spormann S.S. Gendered Sadism – Examining Measurement Invariance of Everyday Sadism Scales Across Genders. European Journal of Psychological Assessment, 2025. (in press) DOI: 10.1027/1015-5759/a000900

Buckels E.E. The psychology of everyday sadism. Doctoral dissertation. — University of British Columbia, Vancouver, Canada, 2018. — URL: <https://open.library.ubc.ca/collections/ubctheses/24/items/1.0369056> / Retrieved April 15, 2025, from UBC Library Open Collections. DOI: 10.14288/1.0369056

Buckels E.E., Jones D.N., Paulhus D.L. Behavioral confirmation of everyday sadism. Psychological Science, 2013, No. 24(11), 2201–2209. DOI: 10.1177/0956797613490749

Buckels E.E., Trapnell P.D., Paulhus D.L. Blunted startle reactivity in everyday sadism and psychopathy. Scientific Reports, 2023, No. 13(1), 14216. DOI: 10.1038/s41598-023-41043-2

Chester D.S., DeWall C.N., Enjaian B. Sadism and aggressive behavior: Inflicting pain to feel pleasure. Personality and Social Psychology Bulletin, 2019, No. 45(8), 1252–1268. DOI: 10.1177/0146167218816327

Derish F.V. Temnaja tetrada lichnosti: obzor sovremennyh issledovanij. Vestnik Permskogo universiteta. Filosofija. Psihologija. Sociologia, 2021, No. (2), 222–235. DOI: 10.17072/2078-7898/2021-2-222-235 (In Russian)

Enikolopov S.N., Atadzhikova Ju.A. Fenomen obydenogo sadizma. Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14.: Psihologiya, 2021, No. (1), 38–56. DOI: 10.11621/vsp.2021.01.02 (In Russian)

Foulkes L. Sadism: Review of an elusive construct. Personality and Individual Differences, 2019, No. 151, 109500. DOI: 10.1016/j.paid.2019.07.010

Gaetano J. Holm-Bonferroni Sequential Correction: An EXCEL Calculator – Ver. 1.2. — 2013. — URL: https://www.researchgate.net/publication/242331583_Holm-Bonferroni_Sequential_Correction_An_EXCEL_Calculator_-_Ver_1.2. Retrieved July 18, 2025,

from ResearchGate: DOI: 10.13140/RG.2.1.3920.0481

Gray J.A. Brain systems that mediate both emotion and cognition. Cognition and Emotion, 1990, No. 4(3), 269–288. DOI: 10.1080/02699939008410799

Greenberg D. M., Warrier V., Abu-Akel A., Allison C., Gajos K. Z., Reinecke K., Rentfrow P. J., Radecki M. A., Baron-Cohen S. Sex and age differences in “theory of mind” across 57 countries using the English version of the “Reading the Mind in the Eyes” Test. Proceedings of the National Academy of Sciences, 2023, No. 120(1), e2022385119. DOI: 10.1073/pnas.2022385119

Greitemeyer T. Everyday sadism predicts violent video game preferences. Personality and Individual Differences, 2015, No. 75, 19–23. DOI: 10.1016/j.paid.2014.10.049

Greitemeyer T., Sagioglou C. The longitudinal relationship between everyday sadism and the amount of violent video game play. Personality and Individual Differences, 2017, No. 104, 238–242. DOI: 10.1016/j.paid.2016.08.021

Gross J.J., John O.P. Individual differences in two emotion regulation processes: implications for affect, relationships, and well-being. Journal of Personality and Social Psychology, 2003, No. 85(2), 348–362. DOI: 10.1037/0022-3514.85.2.348

Hamzani O., Mazar T., Itkes O., Petranker R., Kron A. Semantic and affective representations of valence: Prediction of autonomic and facial responses from feelings-focused and knowledge-focused self-reports. Emotion (Washington, D.C.), 2020, No. 20(3), 486–500. DOI: 10.1037/emo0000567

Khramtsova L.M. Subklinicheskij sadizm: opredelenie psihofiziologicheskikh osobennostej jemocional'noj reakcii v otvet na jemociogennye vizual'nye stimuly: dis. ... magistra psihologii. — Tomsk. gos. universitet, Tomsk, 2024. (In Russian)

Kornienko D.S., Vyazovkina V.K., Gornostaev I.S. Adaptacija i psihometricheskaja proverka metodiki «Korotkij oprosnik temnoj tetrady». Psihologicheskij zhurnal, 2022, No. 43(5), 87–98. DOI: 10.31857/S020595920022787-1 (In Russian)

Lang P.J., Bradley M.M., Cuthbert B.N. International Affective Picture System (IAPS): Instruction manual and affective ratings. — Gainesville, FL: The Center for Research in Psychophysiology, University of Florida, 2008.

March E. Psychopathy, sadism, empathy, and the motivation to cause harm: New evidence confirms malevolent nature of the Internet Troll. Personality and Individual Differences, 2019, No. 141, 133–137. DOI: 10.1016/j.paid.2019.01.001

Mededović J. Aberrations in emotional processing of violence-dependent stimuli are the core features of sadism. Motivation and Emotion, 2017, No. 41(2), 273–283. DOI: 10.1007/s11031-016-9596-0

O'Meara A., Davies J., Hammond S. The psychometric properties and utility of the Short Sadistic Impulse Scale (SSIS). Psychological Assessment, 2011, No. 23(2), 430–

440. DOI: 10.1037/a0022400

Pajević M., Vukosavljević-Gvozden T., Stevanović N., Neumann C.S. The relationship between the Dark Tetrad and a two-dimensional view of empathy. *Personality and Individual Differences*, 2018, No. 123, 125–130. DOI: 10.1016/j.paid.2017.11.009

Pankratova A.A., Kornienko D.S. Russkojazychnaja adaptacija oprosnika ERQ (Emotion Regulation Questionnaire) Dzh. Grossa. *Voprosy psikhologii*, 2017, No. 5, 139–149. (In Russian)

Paulhus D.L., Buckels E.E., Trapnell P.D., Jones D.N. Screening for dark personalities. *European Journal of Psychological Assessment*, 2020, No. 37(3), 208–222. DOI: 10.1027/1015-5759/a000602

Paulhus D.L., Jones D.N. Measures of dark personalities. // In: G.J. Boyle, D.H. Saklofske, G. Matthews (Eds.). *Measures of Personality and Social Psychological Constructs*. — San Diego, CA: Academic Press, 2015. — pp. 562–594.

Peirce J. W., Gray J. R., Simpson S., MacAskill M. R., Höchenberger R., Sogo H., Kastman E., Lindeløv J. PsychoPy2: Experiments in behavior made easy. *Behavior research methods*, 2019, No. 51(1), 195–203. DOI: 10.3758/s13428-018-01193-y

Poláčková Šolcová I., Lačev A. Differences in male and female subjective experience and physiological reactions to emotional stimuli. *International Journal of Psychophysiology*, 2017, No. 117, 75–82. DOI: 10.1016/j.ijpsycho.2017.04.009

Reniers R.L.E.P., Corcoran R., Drake R., Shryane N.M., Völlm B.A. The QCAE: A Questionnaire of Cognitive and Affective Empathy. *Journal of Personality Assessment*, 2011, No. 93(1), 84–95. DOI: 10.1080/00223891.2010.528484

Sest N., March E. Constructing the cyber-troll: Psychopathy, sadism, and empathy. *Personality and Individual Differences*, 2017, No. 119, 69–72. DOI: 10.1016/j.paid.2017.06.038

Thomas L., Egan V. Subclinical sadism: Examining temperamental predispositions and emotional processing. *Personality and Individual Differences*, 2022, No. 196(5), 111756. DOI: 10.1016/j.paid.2022.111756

Trémolière B., Djeriouat, H. The sadistic trait predicts minimization of intention and causal responsibility in moral judgment. *Cognition*, 2016, No. 146, 158–171. DOI: 10.1016/j.cognition.2015.09.014

Velimirović M., Bojanić M., Dinić B. Cognitive empathy distinguishes sadism from psychopathy: Effects on antisocial behaviour. // In: Danilović K., Stepanović Ilić I., Marković S. (Eds.). *Proceedings of the XXIV scientific conference Empirical studies in psychology. Proceedings of the Conference*, Belgrade, 2018. — Belgrade: Institute of Psychology, Faculty of Philosophy, University of Belgrade and Laboratory for Experimental Psychology, Faculty of Philosophy, University of Belgrade, 2018. — pp. 38–42.

Wertag A., Ribar M., Sučić I. A look through dark-colored glasses: The Dark Tetrad and affective processing.

Scandinavian Journal of Psychology, 2024, No. 65(1), 26–31. DOI: 10.1111/sjop.12951

Zeigler-Hill V., Vonk J. Dark Personality Features and Emotion Dysregulation. *Journal of Social and Clinical Psychology*, 2015, No. 34(8), 692–704. DOI: 10.1521/jscp.2015.34.8.692

Information about the author

Khramtsova Lyudmila Mikhailovna. Master in Psychology, PhD student at Doctoral School of Psychology, HSE University, Research Assistant, Laboratory for Cognitive Research, School of Psychology, Faculty of Social Sciences, HSE University, Armyanskiy per. 4, c2, 101000, Moscow, Russia.

E-mail: Khramtsova.L.M@hse.ru

For citation:

Khramtsova L.M. Subclinical sadism: empathy deficits, emotion regulation strategies, and emotional evaluation of visual stimuli. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 2025, Vol. 18, No. 103, p. 7.

<https://psystudy.ru>